

Музыка подошла к концу, и у Юэ Синхэ вдруг возникла маленькая шалость. Линь Луси заметил на его лице едва заметную хитрую улыбку — и не успел отреагировать, как Юэ Синхэ поднял его руку над головой и закружил на месте несколько раз. Подол платья красиво распахнулся, словно лепестки.

Под последний удар ритма Линь Луси, по инерции, развернулся ещё на пол-оборота и прямо лоб в лоб врезался в объятия Юэ Синхэ.

Тук-тук!

Сердце Линь Луси застучало как барабан. Вплотную перед глазами — светло-золотые глаза, глубокие, как море. Он ощутил, как смешивается их тёплое дыхание, и вдруг сбился с ритма — и дыхание, и сердце.

В этот момент зажёгся свет, зал взорвался аплодисментами. В криках и шуме Линь Луси быстро забыл странное ощущение, и они вдвоём слаженно вышли из круга танцпола.

— Гррр-ру...

Живот предательски заурчал. Линь Луси схватился за живот: с самого дня он только и делал, что бегал и готовился, — толком не ел и уже был голоден до дрожи.

Он с тоской уставился на столы с едой, прикинул расстояние и пошевелил натруженными за вечер пальцами ног.

Ребята, потерпите ещё чуть-чуть... потом отдохнёте.

Линь Луси потянулся, собираясь идти к столу, как вдруг его обхватили рукой чуть выше колен — и ноги оторвались от пола.

Юэ Синхэ полуприсел и легко поднял его на руки.

— Эй... — Линь Луси вздрогнул; сердце пропустило удар. Он ухватился за плечо Юэ Синхэ и сверху вниз посмотрел на него. — Ты... кхм... что ты делаешь?!

Он чуть не сорвался на свой обычный голос.

Линь Луси нервно огляделся — и правда, многие украдкой смотрели на них.

Он наклонился к уху Юэ Синхэ и прошептал:

— Поставь меня.

Юэ Синхэ поднял глаза. Макияж у Линь Луси был очень тщательно сделан, чтобы никто не узнал; на нём был чёрный парик, ресницы затемнены, глаза тоже “замаскированы”. Он смотрел расширенными глазами, а губы с яркой помадой слегка приоткрылись от удивления.

— Подожди, — сказал Юэ Синхэ.

Он донёс Линь Луси до стула у маленького барчика в углу и посадил.

— Сиди тут, подожди меня. Я сейчас вернусь.

Линь Луси смотрел вслед его высокой фигуре, уходящей к столам, прижал ладонь к груди — сердце колотилось, как бешеное.

Это всё потому, что он внезапно меня поднял. Да, точно.

— Твой парень так хорошо к тебе относится, — заметил кто-то рядом.

На самом деле с момента появления «девушки» Чжао Фанькун уже обратил на неё внимание: сначала она показалась ему ослепительной, а вблизи — ещё и с необычной “аурой”.

И как же так — уже занята... — сокрушался он.

Линь Луси знал Чжао Фанькуна, но «невеста Юэ Синхэ» — нет, поэтому он сдержанно кивнул и поправил:

— Он мой жених. Конечно, он должен хорошо ко мне относиться.

Чжао Фанькун оглядел её с ног до головы — и чем дольше смотрел, тем больше она ему нравилась.

— Ты права. На такую красивую девушку любой захочет приносить всё самое лучшее.

У Линь Луси по коже полезли мурашки. Он только сейчас понял: его... клеят? Да ещё «деревенскими» комплиментами? И почему-то вдруг показалось, что Чжао Фанькун слегка “масляный”.

Он почувствовал, что слова “красивая” и “хорошенькая” тот вкладывает не в один смысл. Если бы во взгляде не было приличия, Линь Луси уже бы “наступил каблуком”, чтобы показать, насколько страшны шпильки.

Линь Луси вежливо улыбнулся и не ответил. Чжао Фанькун подозвал старшекурсника-бармена, заказал коктейль и подал стакан.

— Угощаю.

Линь Луси приподнял бровь и наконец ответил — но не так, как тот ожидал:

— Тут же всё бесплатно... или я что-то путаю?

На уверенной улыбке Чжао Фанькуна появилась трещина: привычка “ухаживать по накатанной” подвела.

В это время Юэ Синхэ выбирал еду на столе. Он случайно повернул голову и увидел, как Чжао Фанькун разговаривает с Линь Луси, и те выглядят почти “по-дружески”.

Брови Юэ Синхэ едва заметно сдвинулись. Он поставил щипцы и быстрым шагом подошёл.

— Взял то, что ты любишь, — сказал он, протягивая тарелку.

И только потом кивнул Чжао Фанькуну:

— Сэмпай.

На тарелке действительно было всё, что Линь Луси любил, и порции были приличные.

Линь Луси потеплел и без церемоний принялся есть — он был реально голоден.

Щёки округлились от еды, глаза блестели, он смотрел на тарелку с таким удовольствием, что был похож на милого зверька.

Юэ Синхэ сделал шаг вперёд, будто невзначай перекрыл Чжао Фанькуну обзор. Тот ещё не успел что-то сказать, как Юэ Синхэ спросил:

— Сэмпай, вы по делу?

Смысл был очевиден: если нет — уходите.

Чжао Фанькун сделал вид, что не понял, и начал болтать “о том о сём”.

Юэ Синхэ отвечал спокойно, но при этом не забывал заботиться о Линь Луси: когда тот, кажется, чуть подавился, Юэ Синхэ подвинул миску с супом и похлопал/пригладил по спине — ладонь на мгновение коснулась открытой кожи (он просто забыл, что тот сейчас в таком наряде). И всё равно сделал это совершенно естественно.

Таких мелочей было много.

Чжао Фанькун смотрел и шурился: казалось, во рту вкус “сахара” — его буквально кормили демонстрацией отношений.

Для него это были двое близких влюблённых.

Юэ Синхэ же знал: перед ним “девушка” — это Линь Луси в образе. Поэтому он и вел себя непринуждённо — и именно из-за этой естественности окружающие верили ещё сильнее.

Наконец Линь Луси наелся; тарелка опустела полностью. Поймав удивлённый взгляд Чжао Фанькуна, он чуть смущённо вытер уголок губ.

— Простите, неловко вышло.

Он помнил, что сейчас “играет” невесту.

Но Чжао Фанькун, наоборот, подумал, что она совсем не похожа на девушек с “птичьим аппетитом”: выглядит свежо, просто и приятно — и интерес только вырос, взгляд стал настойчивее.

Чжао Фанькун чувствовал: он ничуть не хуже Юэ Синхэ. Но “мужчиной-третьим” он никогда не был — и теперь разрывался, балансируя на грани морали.

Линь Луси не интересовало, что он там думает. Цель вечера выполнена: шум поднят, ужин съеден, танец станцован. Пора уходить.

Он слегка зацепил пальцем руку Юэ Синхэ, собираясь предложить уйти.

И тут Чжао Фанькун вдруг торжественно сделал приглашение:

— Прекрасная леди, могу ли я иметь честь пригласить вас на танец?

Танцпол был уже забит — многие пришли именно “познакомиться” и теперь танцевали с теми, кто понравился.

А часть студентов, которым было интересно другое, всё это время следила за Юэ Синхэ. Увидев позу приглашения, они загорелись от сплетничьего восторга.

Согласится ли девушка? Что сделает Юэ Синхэ? Будет ли “классика” — два мужчины и одна девушка?

Очень интересно!

Линь Луси был в отчаянии: танцевать с Юэ Синхэ — ещё ладно, он сам согласился. Но танцевать с другим мужчиной? Да проще умереть.

Он ткнул “жениха” в талию/живот.

Ну что, жених? Твою невесту уведут — ты что-нибудь сделаешь?

Юэ Синхэ не уловил его взгляд, но мышцы в боку напряглись, выражение лица чуть изменилось.

Он и не знал, что его бок может быть таким чувствительным. И ещё страннее: это ощущение будто легко проникло куда-то глубже, чем просто кожа.

Линь Луси ткнул ещё раз: Ну?

Юэ Синхэ перехватил его пальцы, чтобы он не шалил, и с лёгкой, холодной улыбкой сказал:

— Сэмпай. Сяолу — моя невеста. Он не будет танцевать с другими мужчинами.

Линь Луси тут же поддакнул, изображая нежность:

— Я танцую только с Синхэ.

Щёки у него чуть порозовели, как будто он смущён.

Чжао Фанькун, однако, вовсе не отступил. Он улыбнулся:

— Сяолу — это имя? Милое.

Лицо Юэ Синхэ стало серьёзнее, во взгляде мелькнула холодность. Чжао Фанькун сделал вид, что не замечает.

Линь Луси про себя: Фу!

Снаружи он лишь вежливо улыбнулся. Он слез со стула, взял Юэ Синхэ под руку, уже собирався уходить — и вдруг замер, резко повернулся и прижался к груди Юэ Синхэ.

Юэ Синхэ поймал его автоматически, наклонился к уху:

— Что такое?

Линь Луси в его объятиях мысленно ругался как мог, но объяснять не стал. Бросил через плечо:

— У нас срочное дело!

И, держась за грудь, потянул Юэ Синхэ за руку — в сторону служебной зоны и туалетов за кулисами.

— Эй! — Чжао Фанькун протянул руку, как в мелодрамах. Уверенность, накопленная годами “опыта”, треснула. Он потрогал своё лицо. — Я же не урод...

Нет, так просто он не сдастся: давно ему никто так не попадал в “вкус”. Надо выяснить, в чём дело, и только потом решать — отступать или нет.

За кулисами.

Элиза просидела в женском туалете больше десяти минут; подруга всё это время её утешала. Когда Элиза наконец взяла себя в руки и они вышли вместе, перед ними, как порыв ветра, промчались две фигуры — и влетели в соседний мужской туалет.

Повисла мёртвая тишина на несколько десятков секунд.

Подруга еле выдавила:

— Это сейчас... были Юэ Синхэ и его невеста?

Элиза, с красными глазами и пустым взглядом, переглянулась с подругой. Они обе посмотрели на знак мужского туалета.

— Наверное... ошиблись дверью? — пробормотала подруга.

Но почему-то они не ушли. Сами не понимая, зачем, остались стоять у двери.

Тут подбежал Чжао Фанькун. Он был знаком с Элизой; заглядывая в сторону женского туалета, он спросил:

— Элиза, ты не видела Сяолу? Ну, невесту Юэ Синхэ. Я видел, как она побежала сюда. Похоже, она неправильно меня поняла...

Элиза тихо сказала:

— Видела... Она... вошла.

Чжао Фанькун кивнул:

— Вошла, да...

Он приготовился ждать у женского туалета, но вдруг заметил, куда Элиза показала пальцем. Его лицо стало пустым.

Он деревянно повернул шею к двери мужского туалета — и от шока потерял всякую “джентльменность”; голос сорвался на визг, как у игрушечного “крикуна”:

— Ты хочешь сказать... они вдвоём зашли ТУДА?!!

Элиза кивнула, как будто “вышла из тела”. Трое уставились на дверь мужского туалета так, словно там прятался монстр.

Линь Луси был в панике и совершенно не заметил, что за ними кто-то наблюдает. Они с Юэ Синхэ, держась за руки, влетели в одну кабинку мужского туалета; Линь Луси хлопнул дверью и заперся.

Он даже не увидел, как парень у самого дальнего писсуара, которого они напугали, резко напрягся... и, едва начав, вынужден был “сжать” обратно от испуга.

Но Линь Луси не виноват: пусть сейчас он выглядел как потрясающая красавица — никто бы не подумал, что он мужчина, — но в реальности он и был мужчиной. И даже “пальцами ног” ясно: в женский туалет он бы не пошёл — это слишком мерзко.

Даже не говоря о других, он бы просто не смог переступить через себя.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17160/1606003>